

Баянова Александра Тагировна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА
(на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта)**

Специальность: 10.02.02 — «Языки народов Российской Федерации
(калмыцкий язык)»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2020

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

- Научный руководитель:** **Пюрбеев Григорий Церенович**,
доктор филологических наук,
профессор кафедры калмыцкого языка,
монголистики и алтаистики ФГБОУ ВО
«Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова»
- Научный соруководитель:** **Куканова Виктория Васильевна**,
кандидат филологических наук,
директор ФГБУН «Калмыцкий научный
центр Российской академии наук»
- Официальные оппоненты:** **Бардамова Екатерина Александровна**,
доктор филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой русского
языка и общего языкознания ФГБОУ ВО
«Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова»
Бадмаева Лариса Батоевна,
доктор филологических наук,
доцент, ведущий научный сотрудник отдела
языкознания ФГБУН Института
монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН
- Ведущая организация:** ФГБУН Институт востоковедения РАН

Защита состоится 13 мая 2021 г. в 12:00 часов на заседании диссертационного совета Д 002.006.01 при ФГБУН «Институт языкознания РАН» по адресу: 125009 Москва, Большой Кисловский пер., д.1, стр.1, конференц-зал. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт языкознания РАН» по адресу: <https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/theses/2020/bayanova>.

Автореферат разослан «__» _____ г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Е. М. Девяткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

В последние десятилетия активизировались исследования соотношения культуры и языка на материале различных языков, что не случайно, поскольку связь, которая существует между культурой и языком очевидна. Каждый этнос репрезентирует в языке свое видение мира, его восприятие и его понимание, которые выстраиваются в особую национальную картину мира, складывающуюся тысячелетиями под влиянием разных природных, социальных условий, религиозных представлений, хозяйственного уклада жизни.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью соотношения языка и культуры в сказочных текстах, отсутствием специальных исследований культурно значимых языковых единиц (безэквивалентной лексики, сравнений, обращений и т. д.), репрезентирующих национально-культурное своеобразие картины мира в калмыцком языке. Фольклорный текст в данном случае представляет собой наиболее оптимальный материал для исследования, поскольку именно здесь сохранены архаичные пласты культуры. В данной работе лингвокультурологические аспекты калмыцкого языка рассмотрены на материале фольклорного текста, содержащего в силу своих особенностей различные полистадиальные наслоения, которые и репрезентируют разные картины мира, в том числе и архаичную.

Данное исследование также направлено на изучение межкультурной коммуникации, которая проявляется в переводе текста, становящимся своего рода результатом познания переводчиком жизни и быта того или иного народа, знакомства с историей и культурой, особенностями специфического мировосприятия и миропонимания. Кроме того, актуальность видится в необходимости сохранения и развития фольклорного наследия калмыцкого народа, представляющего собой архаичные формы конкретного мира явлений культуры этноса и аккумулировавшего многовековой духовный и практический опыт народа в культурное пространство.

Предмет исследования — соотношение языка и культуры в сказочных текстах на калмыцком языке и в их переводе на немецкий язык, причем в центре внимания находятся такие языковые единицы, относимые нами к культурно маркированным элементам, как безэквивалентная лексика, включающая в себя онимы, реалии, цветовые лексемы, сравнения и обращения, способы их передачи на немецкий язык.

Объектом исследования в настоящей работе являются языковые единицы, содержащие национальную специфику картины мира и несущие в себе этнокультурную семантику, и их переводы.

Целью настоящей диссертационной работы является рассмотрение культурно значимых языковых единиц в сказочных текстах на калмыцком языке и в их переводе на немецкий язык.

Для реализации поставленной цели потребовалось решить следующие основные задачи:

1) подготовительный этап:

- переложение текста в фонематической транскрипции;
- перевод текста сказок на современный калмыцкий язык с сохранением дербетского диалекта;
- автоматическое сегментирование фольклорных текстов на параллельные блоки с соотнесением калмыцкого, русского и немецкого текстов сказок;

2) исследовательский этап:

- анализ различных подходов к исследованию взаимодействия языка, культуры;
- рассмотрение понятия «языковая картина мира» и «национальная картина мира»;
- выявление основных направлений и парадигм исследования калмыцкого языка в лингвокультурном аспекте;
- характеристика сказочного текста;
- выявление особенностей публикации сказок Г. Й. Рамстедта;
- исследование фольклорного текста сказок Г. Й. Рамстедта с позиций лингвокультурологии и выявление его особенностей;
- общая характеристика лексико-грамматического состава культурно-маркированных языковых единиц;
- компаративный лингвокультурный анализ языковых единиц фольклорного текста на калмыцком и немецком языках;
- установление способов перевода культурно значимых языковых единиц на немецкий язык;

Теоретической и методологической основой проведенного диссертационного исследования явились труды отечественных ученых в области фольклористики и лингвистики: Ю. Д. Апресяна, Е. М. Верещагина, С. Г. Воркачева, В. В. Воробьева, В. Г. Костомарова, В. В. Красных, В. А. Масловой, Е. В. Рахилиной, И. А. Стернина, В. Н. Телии, К. В. Чистова, а также в области монголоведения: Г. Ц. Пюрбеева, Б. Х. Тодаевой, Э. У. Омакаевой, Т. С. Есеновой, Л. Б. Олядыковой, Е. В. Голубевой, Н. Л. Жуковской, Э. П. Бакаевой и др.

Степень изученности темы

Обширный пласт фольклорного материала лег в основу изучения лингвокультурологических особенностей фольклорного текста в калмыцком языкознании. Лексико-семантический, структурно-грамматический и эти-

мологический анализ лексики фольклорного текста стали богатым фактическим материалом для изучения традиционной языковой картины мира калмыков.

Начало рассмотрению базовых концептов (время, пространство) в калмыцкой лингвистике положили исследования Г. Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 1997], Э. П. Бакаевой [Бакаева 2001], Э. У. Омакаевой [Омакаева 2009], В. Н. Голубевой [Голубева 2006б].

Процессы глобализации и интеграции, происходящие в мире и охватывающие все стороны жизни общества — экономическую, политическую, социальную, культурную, религиозную, — и существующая языковая реальность актуализируют компаративные исследования. Чаще всего изучаются вопросы лингвокультурологии в аспекте сравнения калмыцкого и русского языков.

Так, например, формульные выражения лингвокультурных скриптов «приветствия» и «прощания», «поздравления», «пожелания» и «благодарности», «утешения», «сочувствия» и «соболезнования» в русской и калмыцкой лингвокультурах рассматривает в своей диссертации Э. Б. Манджиева [Манджиева 2009]. Проанализировав около двух тысяч текстовых фрагментов из фольклора и устной разговорной речи на калмыцком и русском языках, автор обнаружила сходство и различия формульных выражений традиционного этикета в лингвокультурах народов. Автор считает, что «языковое сознание и коммуникативное поведение носителей русского и калмыцкого традиционного этикета зависят от национально-культурной специфики общения исследуемых этносов, социального статуса коммуникантов, оппозиции «свой–чужой» и т. д.» [Манджиева 2009].

Сопоставительные исследования концептов в калмыцкой, русской и лингвокультурах других народов стали темами диссертационных работ Д. Д. Лагаевой [Лагаева 2009], Д. В. Дорджиевой [Дорджиева 2010], Ж. Н. Цереновой [Церенова 2005], О. К. Мушаевой [Мушаева 2010] и др.

Национально-культурная специфика картины мира в калмыцком языке (на примере культурных концептов) исследована Е. В. Голубевой, которая рассматривает концепты традиционной культуры калмыков (пространство и время, цвет и число) и приходит к выводу, что символические значения этих концептов составляют национальную картину мира и фиксируют в своей семантике традиционные формы общественно-бытового уклада номадного общества, языковую практику и фольклорные традиции калмыков [Голубева 2006а].

Особого внимания при рассмотрении лингвокультурологических особенностей концептов заслуживают «Очерки по лингвокультуре калмыков» [Есенова 2012]. В ней наиболее полно с учетом традиционного способа хозяйствования, образа жизни, особенностей среды обитания и нацио-

нального характера рассмотрены ментальные образования калмыцкой концептосферы, проанализированы фундаментальные концепты ментального мира народа — *hazp* ‘земля’, *усн* ‘вода’, *hazp-усн* ‘родина’, *кишиг* ‘счастье’, *өрк-бул* ‘семья’. По мнению Т. С. Есеновой, вокруг каждого из этих натурконцептов калмыцкой лингвокультуры формируется «лексико-семантическое поле, с которым связаны содержательные, образные и ценностные представления и установки» народа [Есенова 2012: 11].

Описанию лингвокультурных традиций калмыков и освещению актуальных проблем этнокультурной лингвистики посвящена монография Г. С. Биткеевой [Биткеева 2016], рассматривающая табу и эвфемизмы как социокультурное явление, как этническую и культурную традицию народа.

Многие вопросы исследуемой проблемы освещены в коллективной монографии «Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты» [Калмыцкие и русские ... 2009]. В ней рассмотрены не только базовые калмыцкие и русские лингвокультурные концепты, но и типаж («кочевник», «интеллигент», «пастух», «рыбак» и т. д.).

В соответствии с поставленными задачами использовались различные **методы** научного исследования: как общенаучные, характерные для любой науки, так и частные, используемые в конкретной науке, в данном случае — лингвокультурологии. К общенаучным следует отнести: сопоставительный метод, способствующий установлению национально-культурных особенностей калмыцкой и немецкой лингвокультурных общностей на материале калмыцких сказок в записи Рамстедта; описательный метод, включающий приёмы сопоставления, распознавания, дифференциации, классификации и обобщения собранного материала; количественный метод, с помощью которых устанавливается частотность тех или иных лексем, той или иной языковой единицы в фольклорном тексте. При исследовании семантической структуры таких категорий в языкознании, как, например, обращения и сравнения, а также при определении словарных дефиниций цветообозначений применялся метод компонентного анализа. Методы лингвистического описания и синхронно-динамического анализа, позволяющие совершенно по-новому осветить структуры и классификации безэквивалентной лексики и реалий, помогли выявить критерии адекватности перевода тех или иных слов, выявить основные закономерности образования лакун при переводе текста на немецкий язык и теоретически вывести собственное решение проблемы. В данном исследовании применялся корпусный подход, основанный не на случайном отборе материала исследования, а на методе сплошной выборки. В ходе диссертационного исследования анализировались все примеры, что исключает недостоверность полученных результатов.

Материалом исследования послужили 22 калмыцкие сказки, тексты которых были записаны лингвистом Г. Й. Рамstedтом в 1903 г. во время лингвофольклорной экспедиции в Калмыцкие степи, осуществленной при поддержке Императорского Гельсингфорского университета. Ученый работал в ареале функционирования одного из трех говоров, бытующего до настоящего времени в калмыцком языке — дербетском. Аутентичный фольклорный текст, зафиксированный в финно-угорской транскрипции в начале XX в. в Малодербетовском улусе Калмыцкой степи, представляет собой бесценный материал для изучения живой калмыцкой речи, для исследования фонетических, диалектных, языковых, лингвокультурологических особенностей языка. Фонематическая запись сказок отражает живую устную речь калмыков, дербетов по своей субэтнической принадлежности. С одной стороны, она отражает диалектные особенности, присущие дербетам, с другой, отражает особенности живой разговорной речи, которая характерна в целом для калмыцкого языка, независимо от того, к какой субэтнической группе принадлежит этот разговорный язык. Лексический материал сказок, который стал итогом скрупулезной работы с информантами, лег в основу известного словаря Г. Й. Рамstedта, изданного позднее [Ramstedt 1935]. Данный словарь является бесценным в плане изучения калмыцкого языка, так как он содержит как слова, значения которых в современных словарях не даны, так и сами значения, которые или утрачены, или просто не описаны (но известны носителям языка). На данный момент словарь является единственным полным собранием диалектной лексики, где содержится основной словарный фонд калмыцкого языка.

Немецкий вариант калмыцких сказок позволяет сделать сравнительный анализ национально-культурной специфики картин мира калмыков и немцев, их менталитета, национального характера, способов видения мира.

Уникальность сказок в записи Г. Й. Рамstedта заключается в том, что в нем сохранены все диалектные и разговорные особенности дербетского говора. Все сказки, записанные у информантов в 1960–1980-е гг. и изданные позднее, к сожалению, подвергались литературной обработке с незначительным сохранением языковых и разговорных особенностей того или иного диалекта.

Сказки в записи Г. Й. Рамstedта как в оригинале на калмыцком языке, так и в переводах на немецкий язык представляют, прежде всего, научный интерес. Записи фольклорного текста предназначены для научного изучения языков, так как представляют собой большую ценность и в плане лексики, и в плане возможностей сравнительного анализа языковых особенностей.

Для исследования текстов калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамstedта тексты сказок были переложены на современную калмыцкую орфографию

и переведены на русский язык, затем загружены в программу TextAnalyser, разработанную в рамках научно-исследовательской работы в КалмНЦ РАН [Kukanova, Kadzhiev 2014]. Немецкий, русский и калмыцкий тексты автоматически сегментированы на предложения, которые были между собой соотнесены для удобства работы. Наличие 3 192 параллельных блоков свидетельствует о репрезентативности материала исследования с точки зрения объема.

Научная новизна настоящего исследования заключается в лингвокультурологическом и комплексном междисциплинарном подходе к изучению сказочного текста. В данной работе впервые в калмыцкой филологии предпринимается комплексный лингвокультурологический анализ языковых единиц и категорий языка в сказочном тексте. Языковые средства, использованные в сказке как особом виде фольклорного жанра, недостаточно исследованы в рамках лингвокультурологии. В ходе исследования выделены и проанализированы языковые единицы, имеющие национально-культурную специфику. Кроме того, впервые дается компаративный лингвокультурологический анализ отдельных языковых единиц калмыцкого языка и их переводов на немецкий язык, отмечаются сходство и принципиальные различия репрезентации национально-культурной специфики в языковых картинах мира калмыков и немцев.

Значимость исследовательской работы в теоретическом плане определена закономерностью развития фольклористики как науки и ее интеграцией в другие науки, в частности в лингвокультурологию, а также значимостью проблемы исследования функционирования языковых единиц и осмысления фольклорного текста в лингвистическом и культурологическом ракурсах. Диссертационное исследование систематизирует представления о национально-специфических компонентах калмыцкой лингвокультуры, способствует выявлению сходств и различий этнокультурной составляющей в разноструктурных языках – калмыцком и немецком.

В практическом отношении исследование лингвокультурологических особенностей фольклорного текста применимо в образовательном процессе, в практике преподавания в ВУЗах курсов по лингвокультурологии, стилистике, социологии культуры, филологическому анализу текста и в сопоставительном языкознании. Результаты анализа текстов сказок могут использоваться при разработке лингвокультурологических словарей, необходимость в создании которых применительно к калмыцкому языку давно назрела. Анализ лингвокультурологических особенностей сказок важен также при решении проблем изучения национальной идентичности и менталитета, сохранения культурной самобытности, актуализации вопроса мирного сосуществования различных культур в эпоху глобального сближения и единства мира.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Культурно маркированные единицы, семантика которых представляет сложный комплекс национально-культурных представлений, является объективным отражением в мышлении человека явлений материального и духовного мира и занимает определенный пласт в системе языка.

2. При межкультурной и межъязыковой передаче культурно значимых языковых единиц применяются разные способы перевода в рамках двух переводческих стратегий, направленных на то, чтобы, с одной стороны, сохранить особенности оригинала и передать особенности культуры, которую несет сказочный текст, а, с другой стороны, адаптировать данный текст к нормам воспринимающей культуры.

3. Сказочный текст является полистадиальным продуктом, в котором произошло наложение разных исторических эпох со своей доминирующей культурой, что отражается в особенностях репрезентации культурно-национальных смыслов, кодов.

Апробация работы. Основные идеи, положения и результаты исследования апробированы на научных форумах различных уровней: Международной научной конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II» (г. Элиста, 2020 г.); II Международной научной конференции «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие» (г. Элиста, 2016 г.); Международной научной конференции, посвященной 100-летию Южного федерального университета и 90-летию со дня рождения профессора Ю. А. Гвоздарева «Язык как система и деятельность» (г. Ростов-на-Дону, 2015 г.); Международной научной конференции «Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития» (г. Элиста, 2015); Международной научной конференции «З. К. Касьяненко – учитель и монголовед» (г. Санкт-Петербург 2015); XV Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (г. Уфа, 2015 г.).

Структура работы. Структура диссертационной работы отражает ход исследования и включает: введение, пять глав, заключение, список использованной литературы, приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы, актуальность исследования, научная новизна, формулируются цели и задачи, определяются методы исследования, указываются источники, на которых базируется диссертационная работа.

Первая глава «Язык, культура и фольклор: аспекты взаимодействия» посвящена вопросам взаимосвязи и взаимоотношений языка, культуры и фольклора, рассматриваемого на современном этапе в русле лингвокультурологии. На необходимость взаимосвязи языка и культуры, а также роли фольклорного текста указывают в своих трудах многие ученые, начиная с В. Гумбольдта. Э. Сепира и Л. Уорфа. Неразрывность языка и культуры подчеркивал академик Г. О. Винокур, считая, что «всякий языковед, изучающий язык ... непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык» [Винокур 1959: 211].

В параграфе 1.1 рассмотрены основные направления лингвокультурологических исследований в мировой и отечественной лингвистике. Параграф 1.2 посвящен лингвокультурологическим исследованиям в калмыцком языкознании.

Обширный материал содержит параграф 1.3, где исследован лингвокультурологический потенциал фольклорного текста: описана национально-культурная специфика текста, рассмотрены понятия «национальная картина мира» и «языковая картина мира», лингвокультурологический анализ фольклорного текста, языковые единицы как отражение лингвокультурных особенностей национальной картины мира.

В рамках лингвокультурологических исследований изучаются национально-культурные особенности текста, так как в нем отражены мир и константы культуры того народа, на языке которого этот текст создан. В качестве объектов лингвокультурологического исследования, как правило, выступают фольклорные тексты, которые являются источниками информации и осмысления основных ценностей культуры того или иного народа, так как именно «фольклор во многом позволяет глубже других источников проникнуть в духовный мир народа, в мир его образов и представлений» [Герд 2005: 29].

Фольклорный текст способен сохранить весь спектр функциональных средств выражения представлений народа об окружающем мире и человеке — основу национальной и языковой картины мира, и лингвокультурологический анализ фольклорного текста выступает инструментом глубокого исследования и уточнения национальной и языковой картины мира.

Языковые единицы, имеющие культурно-значимую маркированность и функционирующие в фольклорном тексте, отражают лингвокультурные особенности картины мира определенной этнокультурной и национально-языковой общности.

Во второй главе «Материал и методика исследования» в параграфе 2.1 подробно описан материал исследования: история записи сказок Г.

Й. Рамстедта, особенности публикации сказок и характеристика сказочного текста.

Материалом исследования послужили сказки, записанные ученым Г. Й. Рамстедтом. Полевые записи сказок были изданы Г. Й. Рамстедтом на калмыцком и немецком языках в двух частях. Первая часть, опубликованная в 1909 г., состоит из 18 сказочных текстов [Kalmückische ... 1909]. Вторая часть книги, содержащая сказки под номерами 19–22 (с. 155–237), вышла в свет в 1919 г. [Kalmückische ... 1919].

Обе части издания калмыцких сказок вышли без предисловия ученого. Тексты сказок не имеют названий, кроме сказки № 13, только пронумерованы. Для удобства и сравнения исходного фольклорного материала с фонетической транскрипцией и немецкого перевода страница поделена условно на две части: в верхней ее половине — калмыцкий текст, в нижней — немецкий. Объемы разделенной страницы не одинаковы: немецкая часть текста занимает большую площадь, что объясняется спецификой в переводе: для передачи текста на другой язык требуются определенные описательные средства, в особенности в переводе безэквивалентной лексики. При этом автор стремился разместить материалы параллельно, чтобы отдельные абзацы и фразы совпадали, что создает определенные удобства при сравнительном исследовании языка фольклорного текста.

Калмыцкий текст сказок лингвист дал в фонематической транскрипции с целью максимальной точности при передаче произношения слов в языке. Он записывал образцы устного народного творчества под диктовку, фиксируя их в виде фонематической транскрипции без отображения интонационной мелодики, пауз и проявления процесса параллельного обдумывания и порождения речи (обрывы, повторы, заполненные и незаполненные паузы хезитации).

Жанр сказки интересен с точки зрения анализа фонетических особенностей языка, так как представляет собой калмыцкий язык начала XX в., который практически не изучен. На примере сказочных текстов Рамстедта можно проследить фонетические процессы, происходившие в живом калмыцком языке начала XX в. Записи насчитывают более 188 тыс. фонем, что свидетельствует о репрезентативности материала исследования с точки зрения его объема. Материал сказок в фонематической записи уникален и дает возможность более полного исследования речи информантов, проживавших на определенной территории.

В параграфе 2.2. подробно описана методика исследования.

В третьей главе «Лингвокультурологические особенности безэквивалентной лексики и стратегии ее перевода на немецкий язык» рассмотрены ономастические реалии и стратегии их перевода на немецкий язык. По нашему мнению, они заслуживают отдельного рассмотрения,

так как они достаточно ярко проявляются в фольклорном материале. В ходе исследования выявлены наиболее распространенные виды онимов, закономерность частоты их употребления в зависимости от жанра сказки и способы передачи имен собственных на немецкий язык.

Сказка, являясь одним из архаичных жанров устного народного творчества, передается посредством языковой личности сказочника, и, по сути ее можно отнести к вторичным текстам. Наложение буддийского мировосприятия и мировоззрения на наивное четко прослеживается в материале исследования, в частности, и по использующимся в сказочных текстах онимам.

Исследование реалий в фольклорных текстах, зафиксированных Г. Й. Расмтедтом позволяет разработать собственную дробную классификацию, исходя из разработок, представленных в различных работах по исследованию безэквивалентной лексики. **В параграфе 3.1** даны общие замечания, а также выделены 8 тематических групп, в свою очередь которые можно еще представить в виде подтем:

I) имена собственные;

II) реалии: 1) реалии государственного строя и общественной жизни (общественно-политическая лексика):

а) административно-территориальные единицы;

б) различные слои населения, носители власти (звания, титулы);

в) лексика, отражающая родственные отношения у калмыков;

г) деньги;

д) мера;

е) религиозная лексика;

2) реалии материальной культуры: а) пища, напитки; б) одежда и украшения; в) жилье и хозяйственная утварь; г) оружие, инструменты; д) музыкальные инструменты;

3) реалии природного мира: а) растительный мир; б) животный мир;

в) ландшафт;

4) этнографические и мифологические реалии: а) обычаи, обряды;

б) мифические и сказочные существа;

5) ассоциативные реалии;

III) случайные лакуны.

Выявлена частотность единиц безэквивалентной лексики в исходном и переводном текстах калмыцких сказок в зависимости от группы (или подгруппы). Наиболее употребительны имена собственные (514), социальных групп (366), термины родства (183), термины, обозначающие мифические и сказочные существа (118).

В параграфе 3.2 дана систематизация онимов и их классификация в сказочном дискурсе. Сказка как полистадиальный продукт духовной куль-

туры калмыцкого народа вобрала в себя следы наивного мировосприятия и мировоззрения, на которое наложилась буддийская картина мира, что нашло отражение в употреблении определенных онимов в сказочных текстах. На текст сказки значительное влияние оказывает и личность сказителя, его мировосприятие, жизненный опыт, мастерство, умение в использовании традиционных для сказки художественно-изобразительных средств, что косвенным образом проявляется в использовании определенных типов собственных имен. Тип и количество онимов зависит от жанровой разновидности калмыцкой сказки. В 15 сказках зафиксировано 73 единицы, имеющие статус имени собственного, некоторые из которых повторяются в разных сказочных текстах (онимы *Хурмстн*, *Эрлг Номин хан*, *Зуңкв*, *Төгэ Бус* и др.), всего с повторами получается 514 единиц. В сказочных текстах представлены пять групп онимов (антропонимы, зоонимы, мифонимы, хрематонимы, топонимы) и этнонимы. В результате исследования нами выделено количественное соотношение онимов в фольклорном тексте. Наиболее употребительными являются антропонимы, мифонимы и топонимы. Проанализирована структура онимов, рассмотрено соотношение исследуемой группы в разрезе по жанрам сказок, а также способы их перевода на немецкий язык. При переводе в большинстве случаев Г. Й. Рамстедт прибегает к транслитерации и транскрипции. При этом транслитерацию переводчик осуществляет с классического написания на «тодо бичиг» («ясного письма»), переводная транскрипция дается в идеальном виде без отражения редукции, характерной для разговорного калмыцкого языка. Ученый соблюдает системность в передаче собственных имен на немецком языке: он переводит оним при помощи транслитерации или транскрипции, а затем дает уточнения в скобках путем подбора эквивалентов на немецком языке.

Больше всего антропонимов встречается в волшебных сказках (*Авха Цецг* (авха ‘княгиня, принцесса’ + *цецг* ‘цветок’), *Аю Чикт* (аю ‘медведь’ + *чикт[г]* ‘с ушами’), *Жөөлн* (жөөлн ‘мягкий’) и т. д.) и богатырских (*Марс Хар баатр* (марс ‘тигр, барс’ + *хар* ‘черный’ + *баатр* ‘богатырь’), *Нээл* (ср.: монг. *найлзуур* ‘побег, молодая ветка, мелкие прутья, поросль’ [БАРМС 2001: 386]), *Хала Хооши* (хала ‘жесть’ + *хооши* ‘челнок’) и т. д.), а в бытовых их употребление минимально.

Часто антропонимы в калмыцком сказочном тексте сопровождают приложения, указывающие на половозрастные признаки, родственные отношения, сословную принадлежность, индивидуальные качества: *Ухр өвгн* (ухр ‘ложка’ + *өвгн* ‘старик’), *Нэльхн цаһан ээж* (ср.: *нээлх* ‘надеяться, уповать, доверять’ [КРС 1977: 371] + *цаһан* ‘белый’ + *ээж* ‘мать’), *Мөсн Аав* (мөсн ‘лед’ + *аав* ‘отец’); *хан* ‘хан’ (*Байн хан* (байн ‘богатый’ + *хан* ‘хан’), *Зегр Богд хан* (зегр ‘серьезный’ + *богд* ‘великий’ + *хан* ‘хан’); *баатр*

‘богатырь’ (*Бэрү Хар баатр* (бэрү ‘скупой, жадный, алчный’ + хар ‘черный, сильный’ + баатр ‘богатырь’).

В образовании многокомпонентных антропонимов в калмыцкой ономастике могут участвовать и другие части речи: прилагательные (24), числительные (3). Часто в составе антропонимов используются прилагательные, обозначающие цвет: белый (*Нальхн Цахан ээж, Гинд Цахан, Бөөргин Бөхн Цахан*), красный (*Уладэ Мергн*), желтый (*Шарадэ Мергн, Шар Күрмн*), черный (*Харадэ Мергн, Марс Хар баатр*). Цвет передает определенную символику: белый цвет связан, прежде всего, с чистотой, сакральностью; черный, напротив, характеризует персонажи с отрицательной точки зрения; красный связывается с животворным теплом солнца [Басангова 2002: 19], а желтый — «чистый», «храбрый», «славный щедрой милостивей», «сутью ваджры побеждающий» [Жуковская 2002: 213]. Примером употребления производного от имени числительного может служить номинация *Йистр* ‘Девятый’ в сказке № 4. В тексте сказки № 6 действуют герои с именами-прозвищами *Нег Бэрм* ‘одна хватка’, *Хойр Бэрм* ‘две хватки’, *Хурвн Бэрм* ‘три хватки’.

В рассмотренных текстах сказок встречаются ангионимы *Зункв* ‘Зункава’, *Дала лам* ‘Далай-лама’. Шесть теонимов употреблены в 11 разных сказках. Дуалистический взгляд на мироздание обусловил существование принципа бинарности в теогонии (учении о происхождении богов). Так, божества делятся на светлых и темных, добрых и злых, женских и мужских. К добрым божествам относятся *Бурхн багш* ‘Будда Шакьямуни’, *Хурмстн* ‘Хормуста’, *Нүдвэр үзгч гегэн* ‘Авалокитешвара’; к злым — *Эрлг Номин хан* ‘владыка царства мертвых’, *Махһал* ‘Махакала’; к женским — *Нохан Дэрк* ‘Зеленая Тара’, *Цаһан Дэрк* ‘Белая Тара’; к мужским — *Төгэ Бүс* (букв. *төгэ* ‘колесо’ + *бүс* ‘пояс’). В составе вышеуказанных онимов есть слова, уточняющие сан, пол, качество: *багш* ‘учитель’, *гегэн* ‘свет, светлость’, *дэрк* ‘богиня’, *эрлг* ‘злой дух, нечистая сила’.

Среди мифологических персонажей различают не только божества (верхнего мира), но и представителей низшего мира (демоны, в калмыцких сказках — шулмусы, мусы), которые также имели имена, так называемые демонимы (*Хотхр Хар мус*).

Названия гидронимов в текстах сказок связаны с тремя лексемами: *һол* ‘река’, *дала* ‘море; океан’, *булг* ‘источник’, ‘родник’. Гидронимы *Шар Һол* ‘Желтая река’, *Хар Һол* ‘Черная река’, *Улан Һол* ‘Красная река’ в своем составе имеют адъективы, обозначающие цвет. В тексте сказки № 21 обнаружен гидроним *Зоста гидг һол* (букв. ‘река с красной почвой’). В словаре Г. Й. Рамстедта слово *зосн* переводится как ‘красная почва, земля, [богатая] охрой’ [Ramstedt1935: 476]. Гидроним *Тэвлһтэ гидг һол* ‘река Тявилгтя’ переводится буквально ‘река, поросшая таволгой’

[Ramstedt1935: 388]. Единственный гидроним с компонентом дала — *Шикрлг дала*, что означает ‘сахаристое, сладкое море’. В сказке № 21 персонаж *Зегр Богд хан* владел родником (источником) *Алмст-Така булг* (букв. *алмст* ‘околдованный’ + *така* ‘курица’ + *булг* ‘родник’).

Гидронимы встречаются только в волшебных сказках. Это не случайно, поскольку река в сказочном волшебном дискурсе может выступать в качестве границы мира живых и мертвых [Пропп 1986: 219].

В параграфе 3.3 рассмотрена типология калмыцких реалий в фольклорном тексте: реалии государственного строя и общественной жизни, материальной культуры, природного мира, мифологические реалии.

В результате анализа текстов калмыцких сказок выявлены способы перевода реалий с калмыцкого на немецкий язык и выделены семь тематических групп на фоне их немецких эквивалентов. Способами перевода, используемыми Г. Й. Рамстедтом, являются транскрипция, транслитерация, калька и полукалька, пояснительный и описательный перевод. Лексемы, обозначающие денотаты или понятия, которые отсутствуют в немецкой лингвокультуре, передаются с помощью транскрипции, транслитерации и полукальки.

В четвертой главе «Лингвокультурологические особенности употребления цветообозначений и способы их перевода на немецкий язык» рассмотрены следующие цвета: белый, черный, красный, желтый, серый, зеленый и синий. В сказочных текстах употребляются почти все основные колоронимы: *цахан* ‘белый’ (101 словоупотреблений, в т. ч. в составе антропонимов — 57), *хар* ‘черный’ (143 и 43 соответственно), *улан* ‘красный’ (63 и 6 соответственно), *шар* ‘желтый’ (77 и 11 соответственно), *бор* ‘серый’ (20), *нохан* ‘зеленый’ (6 и 6 соответственно), *көк* ‘синий, зеленый’ (35 и 13 соответственно).

Анализ материала исследования показывает, что употребление наибольшего количества колоронимов наблюдается в волшебных сказках, где высока их частотность: *хар* ‘черный’ — 74 (0,4 % от общего количества словоупотреблений в волшебных сказках и 17,6 % от общего количества колоронимов), *шар* ‘желтый’ — 65 (0,3 % и 14,6 % соответственно) и *улан* ‘красный’ — 48 (0,2 % и 10,8 % соответственно). Относительная доля колоронимов в волшебных сказках составляет 1,24 % от общего количества словоупотреблений и 58,9 % от общего количества цветообозначений в анализируемых фольклорных текстах.

В богатырских сказках чаще всего употребляются колоронимы *хар* ‘черный’ — 69 (что составляет 0,9 % и 15,5 % соответственно) и *цахан* ‘белый’ — 58 (0,8 % и 13 % соответственно). Объясняется это тем, что большая часть антропонимов имеет в своем составе колоронимы *хар* ‘черный’ и *цахан* ‘белый’ и является именами богатырей.

В бытовых сказках употребляются колоронимы *улан* ‘красный’ — 6 (0,2 % и 1,3 % соответственно) и *цахан* ‘белый’ — 5 (0,2 % и 1,1 % соответственно). В целом колоронимы составляют 1,5 % от общего количества словоупотреблений.

В данном разделе впервые в калмыцком языкознании приводятся данные по частоте цветообозначений в зависимости от их значения — прямого или переносного. Большая часть цветообозначений актуализируется в прямом цветовом значении — 260 единиц. Наиболее частотными колоронимами, употребляющимся в своем основном значении — *шар* ‘желтый’ (65), *хар* ‘черный’ (60) и *улан* ‘красный’ (55). В переносном значении выявлено 48 словоупотреблений колоронимов, из них самым частотным является *хар* ‘черный’ (40).

В прямом значении колоронимы чаще встречаются в волшебных сказках (169), менее частотно в богатырских (80) и бытовых (11). В переносном значении количество употребляемых цветообозначений одинаковое в волшебных и богатырских сказках, в бытовых сказках не зафиксировано. Использование меньшего количества колоронимов в переносном значении объясняется недостаточно сильной метафоризацией фольклорного текста. В материале исследования представлена также семантика и коннотация цветообозначений, дана шкала оттенков каждого цвета. Рассмотрение цветообозначений с позиций лингвокультурологии позволяет выявить специфические особенности восприятия цвета и их коннотацию.

В языковой картине мира калмыков лексема *цахан* выражает положительную коннотацию, что детерминировано символикой белого цвета, олицетворяющего чистоту и святость. Часто встречается белый цвет при описании масти животных. В исследуемых фольклорных текстах мы находим двух персонажей, разных по окраске — белого и черного верблюдов, цвет которых имеет различную коннотацию.

Белый верблюд (*цахан буур*) издавна почитался в народе. Так, например, самые ценные вещи во время сезонной перекочевки перевозились только на белых верблюдах. По свидетельству П.-С. Палласа, «одногогорбые белые верблюды ... употребляют только для возки духовных книг, ... бурханов и прочих по их закону священных вещей» [Паллас 1778: 482].

Выражение *цахан уул* ‘белая гора’ наводит на мысль, что белой гора может быть только от того, что покрыта снегом. Но из контекста предложения выясняем, что гора маленькая — *бичкн*, следовательно, снежной она вряд ли может быть. Почитание гор, поклонение священным горам — явление древнее у многих народов. По преданию и это описано в «Сокровенном сказании монголов», священная гора, расположенная у истоков реки Онон в Монголии, спасла от смерти Чингис-хана: «Бурхан-халдуном защищена (как щитом) жизнь моя... Будем же каждое утро поклоняться

(ползком взбираясь) ей и каждодневно возносить молитвы» [Сокровенное... 2002: 30]. Священным был *Өл Маңхн цаһан уул* 'Величественная сизо-белая гора' в стране Бумба, который высился как «средоточие земли и неба» [Джангар 1990: 197]. Культ гор существовал и на Алтае, где «каждый сеок имел свою родовую гору, которую он считал священной покровительницей рода» [Потапов 1946: 148]. Высота священной для калмыков горы Богдо, расположенной в Астраханской области, составляет всего лишь 149 метров. Исходя из культурных и религиозных традиций, можем констатировать, что лексема *цаһан* используется в значении 'священный'.

Черный цвет в калмыцкой культуре, также как и во многих культурах других народов, являясь антиподом белого цвета, символизирует тьму, смерть, зло и т. д. По мнению Н. Л. Жуковской, черный цвет имеет у монголоязычных народов отрицательную коннотацию, с ним связано «все негативное (злое, темное, жестокое, несчастливое, профанное)» [Жуковская 2002: 203]. Черный цвет «вызывал суеверные страхи и представления о злых духах» [Кочешков 1973: 12]. Черный верблюд (*хар буур*) так же, как и черная щука, является хтоническим символом, олицетворяющим зло и обладающим огромной деструктивной силой (на клыках его висят по сто человек).

При описании внешности человека встречается выражение *ут хар кун* 'длинный черный человек', которого следует отнести также к хтоническим персонажам, так как является символом зла и существом Нижнего мира, как и мусы, шулмусы и т. д.

Цветовые обозначения *цаһан* и *хар* при описании дома или кибитки являются определителем состоятельности хозяина, т. е. по цвету кибитки можно определить, к какому социальному слою относится тот или иной персонаж (*цаһан гер* 'белая кибитка', *цаһан өргэ* 'белоснежная кибитка, дворец', *хар гер* 'черная кибитка', *хар урц* 'черная лачуга'):

У калмыков также существовала строгая иерархия сословных групп: к категории *цаһан яста* относились нойоны, зайсанги; к *хар яста* (букв. черная кость) — низшее сословие, крепостные. По воззрению калмыков, нойон был воплощением божества, так как происходил не от людей, а от богов. Как отмечает И. А. Житецкий, «обмануть, оскорбить нойона — все равно, что оскорбить бурхана» [Житецкий 1893: 41].

В лингвоцветовой картине мира калмыков красный цвет имеет положительную коннотацию. По утверждению Е. В. Голубевой, красный цвет является «воплощением жизненной силы, поддерживая ассоциации с кровью и огнем» [Голубева 2008: 24].

Анализируя калмыцкие сказки, мы также пришли к выводу, что лексема *улан* как один из основных цветов часто употребляется в фольклорных текстах и большей частью имеет положительную семантику, хотя не-

которые ученые считают, что лексема *улан* может иметь и отрицательную коннотацию [Санжеев 1941; Куканова, Омакаева 2011], например, *улан махн болтл цокх* ‘жестоко избивать кого-либо до полусмерти’ (букв. ‘до красного мяса избить’); *улан холднь курх* ‘мучить, терзать’; *улан хорха* ‘очень жадный человек’ [Куканова, Омакаева 2011: 46].

Красный цвет является одним из стойких ассоциаций к слову *солнце*. В русском фольклоре неразложимыми сочетаниями являются выражения *красно солнышко*, *солнце красное*, которые являются синонимами красоты, так как *красный* употреблялся в значении *красивый*. В калмыцкой культуре выражение *улан нарн* обозначает время суток — *өрүн улан нарнла* ‘на рассвете’; *асхн улан нарнла* ‘на закате’.

Представляет интерес выражение *нархн улан тоосн* ‘букв. тонкая красная пыль’, часто встречающееся в калмыцком фольклоре. Столб или вихрь из пыли может появляться спереди (символизирует появление человека, скачущего на лошади, и приносящего какую-либо весть) или сзади (погоня): *Эн ху салькнэ тоосн гехлэ, мел мин чигн болжэ өгхи (өгхви), эн нег угэ тоосн биш, негтэ тоосн*. ‘Вихрь это сказать — как будто не так, не простой это столб пыли, а [конем] вздымаемая это пыль’ [Сказка № 20].

Предложение *Ардаснь нег нархн улан тоосн хурдлулад аашжэ йовдг болнэ*. ‘Позади него спеша идет **тонкий столб пыли**’ переводчик переводит несколько иначе: *Hinter ihm nähert sich hurtig eine schmale rote staubwolke*. ‘Позади него быстро приближается тонкое **красное облако** пыли’ [Сказка № 20]. В понимании калмыка пыль — это масса, принимающая вертикальную форму (столб), она окутывает всадника и лошадь. В представлении немца она имеет форму облака.

В калмыцкой языковой картине мира слово *хаалһ* ‘дорога’ часто ассоциируется с белым цветом, что означает ‘счастливый путь’, путь без препятствий и трудностей: *Цаһан хаалһта болтха!* ‘Счастливого пути!’ Символика красного цвета при обозначении дороги имеет, безусловно, положительную коннотацию: указывает на качественную просторную широкую дорогу, в переносном значении — на правильность пути.

Желтый цвет у калмыков, как и у других монголоязычных народов, является сакральным: это цвет веры (буддизма): *Сэрсн дахтэ шармдг шар манжэ: «Би дахнэв», — гегед, һарад ирнэ*. ‘В дохе из овчины желтой веры манджик: «Я последую», — сказав, вышел [Сказка № 15].

Калмыки считают, что светлый цвет кожи имеют инородцы, в частности русские. Для описания кожи человека таких людей используется лексема *шар* ‘желтый’: ... *tawŋ zūn mintš ʎr šar-šar kün bānā* . ...= ...*тавн зун минчһр шар-шар күн бээнэ*. ‘...там оказались пятьсот светлых человек с пухлыми и румяными щеками’ [Сказка № 17].

Лексемы *көк* ‘синий’ (35), и *ноһан* ‘зеленый’ имеют наименьшую частотность и считаются колоративно близкими оттенками, так как лексема *көк* изначально «обозначала различные оттенки синего, голубого, зеленого и серого тонов, впоследствии получивших самостоятельное наименование как отдельных цветов» [Омакаева 2009: 271]. Оба цветообозначения имеют положительную коннотацию: *көк* ‘синий’ связана с культом неба, *ноһан* употребляется в антропониме *Ноһан Дярк* ‘Ноган Дярке’ — известном женском образе богини Тары.

В параграфе 5.1. пятой главы «Сравнения и обращения в сказках в записи Г. И. Рамстедта» дан анализ сравнений и сравнительных конструкций, являющихся одними из системообразующих элементов языковой картины мира, так как отражают свойства эмоционально-образного осмысления окружающего мира и реальности народом.

Анализ сравнительных конструкций в текстах сказок показал, что они представляют собой большей частью трехчленную структуру: объекта сравнения, образ сравнения и основания сравнения. Количественные характеристики частотности употребления различных частей речи в структуре сравнительных конструкций свидетельствуют о том, что в калмыцком языке совсем иная картина. Так, если, например, в русском языке преобладают глагольные конструкции, то в калмыцком языке, наоборот присутствует наибольшая частотность субстантивной группы в разрезе рассмотрения частеречной принадлежности опорного слова. Объясняется это тем, что рациональность и аскетичность кочевого быта калмыков накладывает отпечаток и на своеобразие менталитета, а фольклор, аккумулирующий когнитивный национальный опыт, отражает лингвокультурологические особенности языка народа.

По утверждению Г. Ц. Пюрбеева, сказочный фольклор калмыков отличается от творчества других народов тем, что в нем мало сравнений, основанных на эпитетах, и это является «значимым с точки зрения структурирования картины мира народа», такая «ярко выраженная предметность сравнительных конструкций свидетельствует о «якорности» связанных с ним понятий, о большей статичности и глубокой спаянности когнитивных элементов» [Пюрбеев 2016: 119]. Сравнения как этнокультурная составляющая фольклорного текста соотносится с различными национальными кодами культуры, наиболее продуктивными из которых являются зооморфные коды: бык ‘*бух*’, верблюд-самец ‘*буур*’, жеребец ‘*ажрһ*’ и т. д. Жизнь калмыка невозможно представить без домашних животных. Поэтому частотность сравнений с различными зоонимами довольно высока. Все они имеют положительную коннотацию и чаще всего характеризуют описание схватки богатырей.

При сравнении в тексте рассказчик использует слова, которые обозначают повадки животных: богатыри, сражаясь, ходят кругами не просто как верблюды, а именно как самцы. Возможно, за основу сравнения взято то, как самцы-верблюды выбирают себе верблюдиц в брачный период, в неравной борьбе отстаивая себе партнершу. Сравнение с трехгодовалыми жеребцами также не случайно. К этому возрасту происходит полное физическое формирование животного: они набираются сил и достигают половой зрелости. Глаза навькат, характерные для глаз быков, наблюдаются также при их схватке с противником.

Так, в тексте при описании схватки богатырей Марс Хара и Тега Бюс используются следующие сравнения: *Буур кептэ[н] нүүрллдэд одв, бух кептэ[н] гилвдэд одв, ажрһ кептэ[н] суналдад одв*. ‘Словно верблюды-самцы, голова к голове сошлись, словно быки, [глаза свои] выкатили, словно жеребцы [на бегу] вытянулись’ [Сказка № 16];

При описании бега лошади рассказчик применяет компарацию именно с двухгодовалым жеребцом, так как в этом возрасте животное еще обладает детской непосредственностью, прытью и задором: *Дааһчлэж туульн ирэд, эс киисч өгнэ* ‘Словно двухлетний жеребенок, брыкаясь, примчался [конь], не поймал тот его’ [Сказка № 20].

Наблюдения над повадками домашних животных легли в основу подобных сравнений. При описании двадцатипятиголового кривого черного муса, в большом страхе позорно и панически бежавшего от трехлетнего Найхала, рассказчик сравнивает его с трусливым зайцем: *Бөөргин бөкн цаһан туулэ кептэ[н] бөгн дөшэд ... гүүһа[д] һардг болнэ*. ‘Словно по буеракам скачущий горбатый белый заяц, сгорбившись, ... побежал...’ [Сказка № 21]. В данном случае речь идет не о виде животного (горбатый заяц — агути), а сгорбленность — признак страха перед опасным соперником. Для усиления рассказчик использует различные части речи однокоренного слова дважды: *бөкн* (горбатый) и *бөгн* (горбатиться).

Компонентами сравнений могут являться фитонимы: *...сүхэ кептэ[н] мандэһад, унтад окчэдг болнэ*. ‘...словно таволга, раскинулся и заснул...’ [Сказка № 19]. Растение таволга часто встречается в калмыцком фольклоре: река под названием Тавилгату, вдоль рек растет таволга, герой превращается в сухие веточки таволги, лошадей стреножат путами, связанными из таволги. Таволга является культовым растением у калмыков, оберегом. Пастбища с таволгой долговечны, так как растение обладает большой выживаемостью и способностью быстро восстанавливаться после того, как были вытоптаны животными. Растение представляет собой раскидистый куст, побеги которого стелются по земле, отсюда и сравнение — раскинулся, словно таволга. Фитонимы в фольклорном тексте встречаются значительно реже, чем зоонимы. Это объясняется не тем, что флора степи до-

вольно скудна, а тем, что животный мир составлял основу бытия и существования калмыков как представителей номадной культуры.

В качестве сравнений используются в тексте и орнитонимы: ... *харадэ кептэ[н] шүүрлдэд, элэ кептэ[н] эргэд, таш-баш бэрлдэд, тач авад дегаллдэд*... ‘...словно ласточки, насакивали друг на друга, словно коршуны, кружили, притягивая к себе, подсекали друг друга’ [Сказка № 21];

Данные сравнения также используются при описании схватки героев в богатырской сказке. Ласточки обладают превосходной координацией, высокой скоростью, маневренностью, острым зрением, легкостью и плавностью движения в полете, что важно для борцов. В национальной картине мира многих народов ястреб и коршун являются символом хищника и имеют отрицательную коннотацию. Характерным признаком птиц является внезапное, стремительное, вероломное, злобное нападение на свою жертву, при этом безжалостно, коварно и кровожадно уничтожая противника.

Следует отметить, что национальная борьба у калмыков — зрелище захватывающее и требующее особого мастерства, победа в которой «венчает победителя славой неомрачимой, быстро разносящейся по целому калмыцкому миру» [Небольсин 1852: 114]. Для победы в схватке необходима и легкость, подобно парению ласточки, и железная хватка, подобно тому, как ястреб настигает свою добычу, и неудержимость, с какой коршуны нацелены на свою жертву.

В фольклорных калмыцких текстах встречаются в сравнениях названия географических объектов: *Нег залу, Сөмр уулыг [уул] мет шикр сурвэ* ‘Мужчина с гору Сумеру величиной комок сахара попросил’ [Сказка № 8]. Гора Сумеру (*Сөмр уул*) является мифической священной горой, центром всей Вселенной. Подобное сравнение предмета с гигантскими размерами горы возможно, как мы понимаем, только в фольклорном тексте. В данном примере в семантике приведенного сравнения выражена национальная картина мира, представление видения мира народом.

В основе семантики данных сравнительных конструкций лежит культурно значимая информация, которая понятна при разъяснении лингвокультурологического аспекта исследуемых единиц. При переводе на немецкий язык ученый максимально приближенно переводил сравнительные конструкции, что свидетельствует о его способности осмысливать и адекватно передавать фольклорный текст, сохраняя при этом точность языка оригинала и в то же время делая его вполне понятным на языке перевода.

В параграфе 5.2 дан анализ обращений на материале текстов в записи Рамстедта, который показывает, что в качестве обращения в текстах сказок выступает определенный ряд слов: имена собственные (*Аю Чикт, Шар*

Курми и др.), термины родства (*авһ, дү, эгч, ээж*), слова, обозначающие половозрастные признаки персонажей (*көвүн, күүкн, эмгн, өвгн*), слова, связанные с поведением адресата речи (*шулм, элмр*), с обозначением социального статуса или рода занятий (*манж, түшмл, хан*), с обозначением элементов природы (*теңгр, һазр*) и животных (*темән, барс*), условно называемые безличные обращения (*һазрин чичәч, дала балһач*). Лексемы, обозначающие половозрастные признаки персонажей, термины родства, и имена собственные персонажей сказок наиболее часто употребляются в качестве обращений. Частотность обращений в волшебных сказках объясняется динамичностью сюжета сказок, что обуславливает большее количество персонажей, соответственно и обращений, введенных в структуру диалогической речи. В текстах богатырских сказок, в отличие от других жанров сказок, встречаются чаще в качестве обращений лексемы, обозначающие половозрастные признаки и термины родства.

Обращения в калмыцком языке могут занимать различное положение в предложении, но чаще всего в препозиции, что необходимо для привлечения внимания и установления контакта в процессе общения между участниками диалога.

С точки зрения структуры в текстах сказок на калмыцком языке чаще всего используются двучленные обращения. Это объясняется тем, что выделение персонажа или предмета, к которому адресована речь, является первоочередной целью обращения. Для калмыцкой речи характерно также наличие распространенных многочленных обращений, служащее средством выразительности и усиления характерных качеств персонажа. В обращении используются такие фонетические, лексические и грамматические средства и приемы, как долгота гласного, междометия, повторы, притяжательные частицы. Социальная роль коммуникантов, их социальный статус, возрастные и этнические особенности влияют на различие форм обращений.

В заключении диссертации подводятся итоги исследования. В диссертационной работе исследованы языковые единицы, содержащие национальную специфику картины мира и несущие в себе этнокультурную семантику. Рассмотрены культурно значимые языковые единицы: безэкви-валентная лексика, включающая в себя онимы, реалии, цветовые лексемы, сравнения и обращения, способы их передачи на немецкий язык в сказочных текстах на калмыцком языке.

Проблемы взаимодействия и взаимосвязи языка, культуры и фольклора, разрабатываемые на современном этапе развития лингвистики, активно рассматриваются в рамках исследования фольклорного текста, способного сохранить весь спектр функциональных средств выражения представлений

народа об окружающем мире и человеке, что составляет основу национальной и языковой картины мира.

Рассмотренные в данном исследовании языковые единицы, функционирующие в сказочном тексте и имеющие культурно значимую маркированность, отражают лингвокультурные особенности картины мира калмыков. Лингвокультурологический анализ фольклорного текста выступает инструментом глубинного исследования и уточнения национальной и языковой картины мира.

Наложение буддийского мировосприятия и мировоззрения на наивное четко прослеживается в материале исследования, в частности, по использующимся в сказочных текстах онимам. В ходе исследования выявлены наиболее распространенные виды онимов, закономерность частоты их употребления в зависимости от жанра сказки и способы передачи онимов на немецкий язык.

Подробно рассмотренная типология калмыцких реалий в сказках показывает, что фольклорный текст имеет в своем составе культурно-маркированную лексику, которая раскрывает самобытность народа и отражает характерные черты сложившейся лингвокультурной общности этноса.

Сравнительный анализ слов-реалий в калмыцком и немецком языках позволяет рассмотреть языковые и культурные особенности двух народов. Выявлены способы перевода реалий с калмыцкого на немецкий язык, выделены тематические группы реалий.

В калмыцкой языковой картине мира цветообозначения играют большую роль. Ярко выраженная национально-культурная семантика цветовой палитры калмыков позволяет констатировать о том, что лингвоцветовая картина мира калмыков составляет основу традиционной культуры. Анализ специфических особенностей цветовосприятия в исследуемом фольклорном тексте показал, что наиболее частотными цветообозначениями в фольклорных текстах являются лексемы *хар* ‘черный’ (144), *цаһан* ‘белый’ (117) и *улан* ‘красный’ (74). Частотность лексем *бор* ‘серый’ (9) и *ноһан* ‘зеленый’ (6) невелика. Почти все цветообозначения, кроме бор ‘серый’, входят в состав антропонимов и топонимов. В ходе исследования проведен анализ колоронимов по жанрам, выявлена частотность в зависимости от их значения — прямого и переносного, которые распределены также по жанрам сказок и по способам перевода лексем. Представляет интерес сравнение полученных данных с результатами других исследований, в фокусе которых находилась частотность цветовых слов на материале разных фольклорных текстов.

Одними из системообразующих элементов языковой картины мира являются сравнительные конструкции и обращения, так как они отражают

свойства эмоционально-образного осмысления окружающего мира и реальности народом. В материале исследования нашли отражения зооморфные коды культуры, когда образом сравнения выступают животные, котрые, как правило, разводятся кочевыми народами (бык, верблюд-самец, жеребец и т. д.), птицы, чей ареал обитания степь (ястреб, коршун и др.).

Количественные характеристики частотности употребления различных частей речи в структуре сравнительных конструкций свидетельствуют о том, что в калмыцком языке превалируют глагольные конструкции, выявлена наибольшая частотность субстантивной группы в аспекте рассмотрения частеречной принадлежности опорного слова.

В рамках лингвокультурологических особенностей фольклорного текста рассмотрена категория обращения. В качестве обращения выступают аппелятивы и имена собственные, при этом существует строгая иерархия обращения адресата к адресанту, которая проявляется в определенных правилах, зависящих от социальной роли коммуникантов, их социального статуса, возрастных и этнических особенностей. Выявлено, что наличие обращений в сказочном тексте зависит от сюжета и от жанра сказки. В ходе исследования выявлена частотность применения слов в обращениях. По частоте употребления в конструкции обращений занимают лексемы, обозначающие половозрастные признаки персонажей (108), термины родства (57) и имена собственные персонажей сказок (31).

Анализ частотности позиций рассматриваемой категории в предложении показал, что обращение подавляющей частью занимает положение в препозиции (190), меньше — в интерпозиции (55) и постпозиции (9). Преимущественное положение обращения в препозиции объясняется необходимостью осуществления коммуникативных связей в диалогической речи и привлечения внимания персонажей сказок.

Формы обращения могут различаться в зависимости от социальных ролей адресанта и адресата, их положения на иерархической лестнице, которые определяются такими параметрами как родственные отношения, соотношение возрастов, пол, социальное положение и т. д.

Список использованной литературы включает в себя 368 наименований. В Приложении включены 3 таблицы, обобщающие данные исследования.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОТЫ ОТРАЖЕНЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА:

В коллективных монографиях:

1. Калмыцкие сказки в записи Г. Й. Рамстедта: тексты и исследования. В 3 ч. Ч. I. Переложения и переводы / сост. А. Т. Баянова, Б. Б. Горяева, А. О. Долеева, В. В. Куканова. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 249 с.

2. Калмыцкие сказки в записи Г. Й. Рамстедта: тексты и исследования. В 3 ч. Ч. II. Факсимиле / сост. А. Т. Баянова, Б. Б. Горяева, А. О. Долеева, В. В. Куканова. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 621 с.

В журналах, рецензируемых в Scopus:

1. Категория сравнения и способы ее выражения в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта) // *Oriental Studies*. 2019. Т. 12. № 1. С. 123–133.

2. Особенности перевода безэквивалентной лексики на немецкий язык (на примере текстов калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом) // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2016. Т. 9. № 4. С. 103–111.

3. Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом) // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2015. Т. 8. № 2. С. 128–140 (в соавторстве с Б. Б. Горяевой, А. О. Бутаевой, В. В. Кукановой).

В журналах, рецензируемых в ВАК:

1. Семантика белого цвета в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта) // *Монголоведение*. 2020. № 4. С. 592–604.

2. Категория обращения и способы ее выражения в калмыцком языке (на примере сказок в записи Г. Й. Рамстедта) // *Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология*. 2018. Т. 28. № 6. С. 957–971.

3. Калмыцкие реалии на фоне немецких эквивалентов (на материале записей сказок Г. Й. Рамстедта) // *Монголоведение*. 2016. Т. 9. № 2. С. 89–102.

В научных журналах и сборниках материалов научных конференций:

1. Безэквивалентная лексика калмыцкого языка и способы ее передачи в немецком языке // *Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие: мат-лы II Междунар. науч. конф.* Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 183–184 (в соавторстве).

2. Система и структура онимов в калмыцкой сказочной традиции (на материале записей Г. Й. Рамстедта) // *Вестник Дагестанского научного центра РАН*. 2015. № 59. С. 54–63 (в соавторстве).

3. Нарушение сингармонизма в калмыцком языке: фонетические и морфологические особенности (на материале сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом) // *З. К. Касьяненко учитель и монголовед: мат-лы Междунар. конф.* СПб.: ИВР РАН, 2015. С. 22 (в соавторстве).

4. Диалектная лексика в сказках как отражение региональной языковой картины мира (на материале записей Г. Й. Рамстедта) // *Актуальные*

проблемы диалектологии языков народов России: мат-лы XV Всеросс. науч. конф. Уфа, 2015. С. 37–42 (в соавторстве).

5. Стратегии перевода имен собственных с калмыцкого на немецкий язык (на материале записей сказок Г. Й. Рамстедта) // Язык как система и деятельность: материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию Южного федерального университета и 90-летию со дня рождения профессора Ю. А. Гвоздарева. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2015. С. 118–122 (в соавторстве).

6. Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере бытовых сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом) // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2015. С. 42–49 (в соавторстве).